

ОСТАЛАСЬ ЛИ КОНИЦА ТѢМЪ, ЧѢМЪ БЫЛА?

Въ ряду поднятыхъ въ послѣднее время вопросовъ, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ вопросу о томъ: какую роль будетъ играть кавалерія въ будущихъ сраженіяхъ? останется ли за нею прежнее боевое значеніе, или этому значенію нанесенъ уже неотразимый ударъ послѣдними усовершенствованіями въ артиллеріи и ручномъ огнестрѣльномъ оружій? Этотъ вопросъ особенно важенъ, и не столько самъ по себѣ, сколько потому, что онъ ведетъ за собой рядъ другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ:

1) Войны становятся рѣже, и пока пригодится кавалерія, она обойдется государству слишкомъ дорого сравнительно съ пользой, какую отъ нея можно ожидать, а потому не лучше ли сократить ее до послѣдней возможности, какъ второстепенное оружіе, или содержать въ мирное время самое ограниченное число, и то какъ кадръ для военного времени?

2) Какъ произвести сокращеніе въ числѣ полковъ, въ числѣ эскадроновъ или въ числѣ рядовъ?

3) Сокращая кавалерію, не уронимъ ли окончательно государственнаго коннозаводства, такъ что потомъ нечѣмъ будетъ ремонтировать и остающейся части кавалеріи?

4) Можетъ ли кавалерія воротить потерянное превосходство какими-нибудь усовершенствованіями или измѣненіями въ образѣ дѣйствій?

Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ вполне зависитъ отъ рѣшенія главной задачи: осталась ли кавалерія тѣмъ, чѣмъ была? Къ сожалѣнію, ни одна изъ послѣднихъ кампаній не представила намъ достаточно данныхъ для какаго бы то ни было рѣшенія, а потому мы должны ограничиться одними логическими выводами и рѣшить вопросъ à priori. Задача, какъ всякій видитъ, довольно трудная, и въ особенности потому, что путь логики — путь скользкій: каждый доводъ, каждое положеніе, не основывающіеся на фактѣ или на цифрѣ, могутъ быть легко оспариваемы, какъ и все, что зависитъ отъ личнаго взгляда.

И въ частномъ быту и въ дѣлахъ общественныхъ всякая вещь, всякое учрежденіе только тогда могутъ считаться вполне удовлетворительными, когда соединяють въ себѣ два необходимыхъ условія: наименьшую стоимость при наибольшей полезности.

Однако на все есть границы. Оба названныя условія должны уравнивать другъ друга: *польза должна окупать издержки*. Известно всякому, что достоинство вещи и ея стоимость прямо пропорціональны другъ другу: чѣмъ тщательнѣе она приготовлена, чѣмъ лучше матеріаль, на нее употребленны, тѣмъ дороже она стоитъ. Гонимая за дешевизной, мы должны поступиться доброкачественностію: одно достигается на счетъ другаго, а потому благоразумнѣе будетъ добиваться не *наименьшей* стоимости при *наибольшей* полезности, а только того, чтобы стоимость *соотвѣтствовала* полезности.

По нашему мнѣнію, если ужь держать кавалерію, такъ непремѣнно *хорошую*, и лучше имѣть *немного* хорошей, чѣмъ массу слабой: одинъ дѣльный полкъ принесетъ больше пользы, чѣмъ дивизія плохой кавалеріи. Вотъ почему мы не особенно горюемъ о сокращеніи этого рода войскъ, надѣясь, что обратятъ особенное вниманіе на обученіе и должное воспитаніе и будутъ вести дѣло на основаніи *чисто-боевыхъ* условій.

Наконецъ, Россія обладаетъ прекрасною легкою кавалеріею въ лицѣ нашихъ казаковъ, которые въ состояніи выставить, не обнажая линій, до 80 полковъ или до 150,000. Ихъ обыкновенно не принимаютъ въ счетъ, когда говорятъ о численности нашей кавалеріи; ихъ весьма многіе даже не считаютъ и достойными названія кавалеріи.... Но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же достаточно будетъ напомнить только одно: въ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ наши казаки взяли до 100,000 плѣнныхъ и до 300 орудій! Никакая регулярная кавалерія того не сдѣлала, значитъ и чваниться передъ казаками не должно.

Чтобы приготовить почву для нашихъ предстоящихъ изслѣдованій, мы считаемъ необходимымъ, прежде всего, перечислить свойства кавалеріи и разсмотрѣть всѣ причины, вредно вліяющія на этотъ родъ войска; затѣмъ разборъ условій успѣха атаки уважаетъ намъ, *чѣмъ должна* быть кавалерія и чего отъ нея можно требовать; уяснится и вопросъ о томъ: какими правилами слѣдуетъ руководствоваться при формированіи кавалеріи, подраздѣленіи ея на роды, соединеніи ея въ тактическія и

административныя единицы, что надобно имѣть въ виду при ея обученіи, какимъ условіямъ должны удовлетворять кавалерійскіе начальники и на сколько могутъ быть они подготовлены въ мирное время при помощи нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ.

Свойства кавалеріи, ея достоинства и недостатки возникаютъ непосредственно изъ ея матеріальнаго состава и обусловливаютъ извѣстными предѣлами, ставятъ границы требованіямъ тактики и администраціи; переходя эти предѣлы, мы переступаемъ границы возможнаго и добровольно отдаемъ успѣхъ въ распоряженіе слѣпаго случая, а чаще всего предоставляемъ успѣхъ противнику.

Необходимо точное знаніе всѣхъ свойствъ кавалеріи, чтобы не потребовать отъ нея невозможнаго. Незнаніе, въ этомъ случаѣ, преступно и неизвинительно.

Вотъ, болѣе или менѣе, полная характеристика кавалеріи.

1) *Кавалерія есть оружіе холодное*: стрѣльба съ коня если и опасна кому-нибудь, то скорѣе всего сосѣду, а ужь никакъ не противнику.

2) *Главное оружіе кавалериста — его конь*: кавалерія дѣйствуетъ натискомъ, ударомъ; а то и другое зависитъ отъ быстроты и доброкачественности коня.

3) *Кавалерія—оружіе момента (*)*: ловить моменты можно только при извѣстной быстротѣ лошадей, находчивости и самостоятельности кавалерійскихъ начальниковъ.

4) *Кавалерія — оружіе наступательное*, и даже обороняться иначе не можетъ, какъ наступательно, то есть встрѣчая атаку атакою же, а не стоя на мѣстѣ. Это потому, что

5) *Она—оружіе одностороннее*: страшная сила при движеніи и совершенное безсиліе на мѣстѣ. Подготовлять для себя успѣхъ кавалерія тоже ничѣмъ не можетъ.

6) Эта односторонность и полная зависимость отъ свойствъ мѣстности низводятъ кавалерію на степень оружія *вспомогательнаго*, что и обусловливаетъ ея численное отношеніе къ главному оружію—пѣхотѣ, которая дѣйствуетъ на *всякой* мѣстности, при *всякихъ* обстоятельствахъ и такъ же сильна на мѣстѣ, какъ и въ движеніи, да еще кромѣ того можетъ дѣйствовать издали, то есть *подготовлять* для себя успѣхъ.

7) Сложность матеріальной части и трудность обученія вле-

(*) Выраженіе Морича Саксонскаго.

нужь за собой необходимость дѣлать боевыя и административныя единицы меньшаго, сравнительно съ пѣхотою, состава.

8) Какъ оружіе дорогое, кавалерія требуетъ особенныхъ заботъ; какъ оружіе, легко выскользящее изъ рукъ, требуетъ особаго умѣнья обращаться съ нею; какъ оружіе спеціальное, требуетъ много времени и труда для сформированія и достаточной подготовки къ бою, а потому и въ мирное время ея приходится содержать почти столько же, сколько и въ военное.

9) „Лошадь даетъ кавалеристу средство съ равною стремительностію броситься какъ *на* непріятели, такъ и *отъ* него“ (*) и въдобавокъ свалить въ послѣднемъ случаѣ всю вину на лошадь. Поэтому въ кавалеріи главное, на что надо обращать вниманіе и что надо развивать, это—смѣлость, рѣшительность и чувство чести; выборъ людей, снаряженіе, обученіе, все должно быть направлено къ притупленію въ человѣкѣ инстинкта самохраненія, къ развитію удалства, лихости и сознанія собственнаго достоинства.

Вой можетъ быть оборонительный и наступательный; характеромъ боя обусловливается и степень участія того или другаго рода оружія: артиллерія можетъ дѣйствовать *только стоя на мѣстѣ*, кавалерія *только двигаясь впередъ*, пѣхота *и на мѣстѣ и на ходу*. Артиллерія есть представитель оборонительнаго элемента, кавалерія—наступательнаго, а пѣхота соединяетъ въ себѣ и наступательный и оборонительный элементы; изъ этого слѣдуетъ, что ни кавалерія, ни артиллерія не могутъ быть главными родами войскъ. Кавалерія еще можетъ дѣйствовать самостоятельно, но артиллерія всегда нуждается въ прикрытіи; соединяя же эти два, каждый въ своемъ смыслѣ могущественнѣйшія, средства, мы восполняемъ недостатки одного достоинствами другаго.

Не вездѣ и не всегда однакожь такое соединеніе возможно: артиллерія еще болѣе подчиняется вліянію мѣстности, чѣмъ кавалерія, и гдѣ прошла послѣдняя, тамъ часто артиллерія не въ состояніи двинуться шагу; рѣчка, проходимаая для кавалеріи, составляетъ неодолимое препятствіе для артиллеріи. Въ случаѣ необходимости особенно быстрыхъ передвиженій, энергическихъ и продолжительныхъ дѣйствій, артиллерія не въ состояніи слѣдить за кавалеріей; она непременно отстанетъ или задержитъ движеніе. Наконецъ, по громоздкости и шуму, ар-

(*) Записки тактики по лекціямъ М. Драгомирова.

тиллерія не можетъ быть хорошо скрыта при какомъ-нибудь скрытномъ движеніи, а потому почти всегда рѣшаются обойтись и безъ нея.

Есть одно средство замѣнить въ такихъ случаяхъ артиллерію хотя отчасти: средство это ракетныя батареи. Гдѣ пройдетъ человекъ, тамъ пройдетъ и ракетная батарея; самая пересѣченная мѣстность не помѣшаетъ дѣйствию ракетъ, тѣмъ болѣе, что можно обойтись и безъ станка; ракеты никогда не будутъ захвачены какъ пушки, потому что ракеты можно уничтожить въ виду непріятеля и во вредъ ему, выпустивъ ихъ всѣ разомъ.

Израсходовавъ ракеты, намъ не придется возиться съ ненужною уже и громоздкою принадлежностію; потеря станковъ тоже невелика бѣда, и потому можно рисковать. Самое обращеніе съ этимъ оружіемъ дѣло немудреное, и если кавалеристовъ прикомандировываютъ къ конной артиллеріи для обученія дѣйствию при орудіяхъ, то еще легче приучить ихъ дѣйствовать ракетами.

Держать кавалерію большими массами и отдѣльно отъ остальныхъ родовъ оружія невыгодно во многихъ отношеніяхъ: начать съ того, что иногда во всю кампанію не бываетъ случая употребить въ дѣло всю массу. Такъ въ сраженіи при Сольферино австрійская кавалерія была разбросана по всей линіи, а французы сгруппировали три дивизіи; съ развитіемъ же культуры, когда мѣстность становится все болѣе пересѣченною, случаи употребленія массъ кавалеріи будутъ встрѣчаться еще рѣже. Другой важный недостатокъ выдѣленія кавалеріи изъ ряда остальныхъ войскъ — это замкнутость каждаго оружія: пѣхота и кавалерія отвыкаютъ другъ отъ друга, является вредное раздѣленіе, вздорный антагонизмъ. Наконецъ, массированіе кавалеріи невыгодно и въ томъ отношеніи, что страшно затрудняетъ администрацію въ отношеніи довольствія.

Мирное распределеніе войскъ нарушается съ первымъ же шагомъ на боевое поприще: не только полки, но часто и эскадроны дѣйствуютъ самостоятельно и независимо отъ своей дивизіи. Къ каждому пѣхотному отряду придаютъ хоть небольшую часть кавалеріи (у насъ преимущественно казаковъ). Цѣль — охраненіе отряда, связь съ сосѣдними, развѣдываніе и передача извѣстій. вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ кавалеріи обширное поприще дѣйствій и усиливаемъ пѣхоту; эти два рода войскъ свыкаются, дружатся, и, наконецъ, каждая кавалерія

кавалерійская часть можетъ довольствоваться изъ ближайшей къ отряду деревни, тогда какъ сосредоточеніе кавалеріи на одномъ пунктѣ сильно затруднитъ фуражированіе.

Такое раздробленіе кавалеріи рано или поздно получитъ какъ необходимое слѣдствіе развитія земледѣлія, когда массами дѣйствовать будетъ уже неудобно, и какъ слѣдствіе усовершенствованій въ артиллеріи и пѣхотѣ, которыя принудятъ кавалерію искать *вне* боя тѣхъ результатовъ, какихъ она достигала прежде только *боемъ*. Въ мирное время такое дробленіе не должно идти дальше дивизій: въ противномъ случаѣ обученіе и приготовленіе кавалеріи къ настоящему дѣлу будутъ затруднительны и не единообразны.

Перейдемъ теперь къ самому главному вопросу: о вліяніи нарѣзнаго оружія на образъ дѣйствія и судьбы кавалеріи.

Кто не помнитъ, какая тревога поднялась въ рядахъ мирно-военныхъ писателей при окончательномъ введеніи въ пѣхотѣ нарѣзнаго оружія? Чего не говорилось, чего не пророчили! Говорили, напримѣръ, что артиллерія уже не въ состояніи соперничать со стрѣлками, что бой будетъ состоять изъ одной перестрѣлки цѣпей, что кавалерійскія атаки даже немыслимы. Но артиллерія ввела нарѣзные орудія; пѣхота все-таки не отказывается отъ штыка: примѣръ итальянская кампанія 1859 года. Одна только кавалерія какъ-будто не нашла еще рѣшенія своего вопроса и оставляетъ тактиковъ и администраторовъ на распутіи мѣнній. На самомъ же дѣлѣ кавалерія представила кое-какія доказательства, что и теперь она еще можетъ тягаться съ пѣхотой. Въ итальянскую кампанію 1859 г. всѣ шансы были *противъ*: и мѣстность и ружья мало подавали надежды на какой-либо успѣхъ—и однакожь въ дѣлѣ при Мондальбелло пьемонтская кавалерія дралась не безъ успѣха съ кодонами австрійцевъ и вынуждена была отступить только съ прибитіемъ венгерскихъ гусаровъ. При Маджентѣ гусарскій король Пруссаго полкъ, подъ командой полковника Эдельгейма, сдѣлалъ хорошую атаку; онъ же отличился и при Сольферинно, несмотря на предшествовавшія бою передвиженія и то, что лошади *30 часовъ* не видали фуража!

Крымская кампанія дала тоже нѣсколько поучительныхъ примѣровъ: въ дѣлѣ подъ Балаклавой наши гусары атаковали баталіонъ шотландскихъ стрѣлковъ, оставшихся *за разсерженною стрѣлою*, но въ разстояніи около 600 шаговъ были встречены

задумъ и не пошли дальше. Съ одной стороны самоувѣренности пѣхоты, съ другой диверсификація кавалеріи: подарить пѣхотѣ шагъ въ шестистамъ шагахъ!

Въ томъ же сраженіи французскіе конные егеря атаковали наши баталіоны извѣстнымъ гладкоствольное оружіе, и тоже были отбиты.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что для *плотой* кавалеріи все едино: что наръвное, что гладкоствольное ружье.

Сраженія подъ Вапш-Кадыкъ-Даромъ и въ особенности подъ Курюкъ-Дара, вся честь котораго исключительно принадлежитъ драгунамъ, ясно доказываютъ такіе, что для *хорошей* кавалеріи те же все едино: что наръвное, что гладкоствольное оружіе.

Атаки на пѣхоту всегда была и будетъ пробнымъ камнемъ кавалеріи. Военная исторія даетъ множество примѣровъ совершеннаго уничтоженія пѣхотныхъ баталіоновъ въ передѣлкѣ съ кавалеріей; еще больше найдемъ примѣровъ неудачъ кавалеріи и очень много такихъ случаевъ, гдѣ пѣхота сама атаковала и разбивала кавалерію. Партизаны той или другой стороны чаще всего поступаютъ не совѣмъ добросовѣстно: они выбираютъ только тѣ примѣры, которые говорятъ въ пользу избраннаго ими оружія, и на основаніи такихъ примѣровъ обрекаютъ другую сторону на погибель; оттого всѣ трактаты о кавалеріи, о пѣхотѣ отзываются пристрастіемъ и односторонностію.

Судить сколько-нибудь вѣрно о предметѣ можно только тогда, когда оглядишь его со *всѣхъ* сторонъ, а не довольствуешься *одною* точкой зрѣнія, да еще пожалуй сквозь приаму предубѣжденія. Во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ мы приняли за основаніе способъ сопоставленія достоинствъ и недостоинствъ, выгодъ и невыгодъ: это даетъ возможность приводить каждый вопросъ къ простѣйшему виду и рѣшать его на основаніи членнаго перевѣса тѣхъ или другихъ качествъ и ихъ значенія.

Этой методѣ мы будемъ держаться и теперь.

Атаки кавалеріи на пѣхоту, *не распространяющую* потери или продолжительнымъ движеніемъ и совершенно *готовую* къ встрѣчѣ, рѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Мы знаемъ только два особенно замѣчательныхъ примѣра: сраженіе при *Гарсія-Хернандесъ* (въ Испаніи) 12-го іюля 1812 г. и при *Курюкъ-Дара* 24-го іюля 1853 года. Въ первомъ сраженіи англо-германскій легіонъ (6 эскадроновъ англичанъ и 6 эскадроновъ германскихъ драгуновъ), преслѣдуя арьергардъ (3 баталіона пѣхоты, 6 эскадроновъ и 6 ору-

дѣй) разбитого Мармона, атаковать французовъ такимъ образомъ, что легкіе англійскіе эскадроны занялись навадеріей, а три тяжелыхъ драгунскихъ эскадрона взяли на свою долю три пѣхотныхъ баталіона. Несмотря на сильный огонь и отчаянное сопротивленіе пѣхоты, драгуны ворвались въ каре и сбили его... Что дѣло было не легкое, можно судить по уроку: драгуны потеряли убитыми 4 офицера и 48 рядовыхъ; раненыхъ было: 2 офицера и 56 рядовыхъ. Слѣдовательно, всего выбыло изъ строя 6 офицеровъ и 104 рядовыхъ, что составляетъ почти цѣлый эскадронъ.

Это уже одно доказываетъ, что пѣхота была *не какъ-нибудь*. Кромѣ того остатки разбитыхъ баталіоновъ сбѣжали на дорогѣ въ одну кучу и отбили всѣ дальнѣйшія атаки. Французы потеряли одними пѣхотными 1,400 человекъ. (*)

Подъ Курюкъ-Дара, во время общаго отступленія турецкихъ войскъ, первому дивизиону новороссійскихъ драгунъ, подъ командою полковника Шонерта, приказано было идти въ атаку на два фланговые баталіона, прикрывавшіе отступление. 1-й эскадронъ (майора Кайсера) воспользовался оврагомъ и подошелъ довольно близко къ одному изъ баталіоновъ. Подъемъ былъ довольно отлогъ, а потому эскадронъ устроился въ самомъ оврагѣ и затѣмъ рысью вынесся наверхъ. Тотчасъ поведена атака. „Во весь карьеръ несся эскадронъ—разсказываетъ очевидецъ (**)—но турки не стрѣляли. Молча съ опущенными внизъ ружьями, стояла турецкая колонна. Каре стояло какъ мертвое... Вдругъ блеснули на солнцѣ ружейные стволы, неожиданный, страшный залпъ загремѣлъ въ воздухъ... Люди и лошади повалились почти къ ногамъ турецкихъ пѣхотинцевъ. Турки ошиблись въ расчетѣ. Они слишкомъ близко подпустили атакующій эскадронъ и слишкомъ поздно встрѣтили его залпомъ. Правда, эскадронъ много потерялъ людей и лошадей, но не могъ уже повернуться назадъ. Выдержавъ залпъ этотъ почти въ упоръ, люди очутились какъ-разъ передъ штыками пѣхоты... каре, послѣ недолгаго сопротивленія, было сбито и разбѣяно по полю.“ Эскадронъ потерялъ *убитыми* 1 офицера и 5 рядовыхъ, *ранено* было 11 рядовыхъ, а всего *выбыло изъ строя* 17 человекъ; лошадей убито 8, ранено 12.

(*) Свидѣніе объ этомъ сраженіи заимствовано у Григгайма.

(**) „Воспоминаніе о закавказскомъ походѣ 1853 — 1854 годовъ“. (Военный Сборникъ 1860 г., № 1.)

Этотъ незначительный урокъ показываетъ, что даже самымъ въ упоръ, гдѣ шансы одинаковы и для штуцера и для гладкоствольнаго ружья, страшны только нравственнымъ впечатлѣніемъ. Кажется и странно: какъ же не попасть въ десятъ шага въ кучу кавалеріи? А заглянуть что дѣлается въ дуایتъ пѣхотинца, такъ дѣло и понятно...

Пѣхота у турокъ была отличная. Уже одно то, какъ она ждала удара, да и ударъ не сокрушилъ ихъ съ разу: турки обились въ кучки и отбивались штыками. Много еще надо было употребить усилій, чтобы разсѣять ихъ совершенно. Что пѣхота была молодецкая — служить доказательствомъ и то, что атаку пикинеровъ Новороссійскаго полка одинъ изъ баталіоновъ встрѣтилъ *въ развернутомъ фронтѣ*. Такихъ примѣровъ немного въ исторіи.

Второй эскадронъ (капитана Жабицкаго) „бросился на другую колонну, встрѣтившую его *немедленно* сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Эта колонна вдалась въ другую, совершенно противоположную, крайность. Баталіонный огонь, открытый съ дальняго разстоянія, причинилъ намъ весьма незначительный вредъ“. *Убиты* 1 рядовой; *ранены*: 1 офицеръ и 10 нижнихъ чиновъ, да *контузено* 2; *лошадей* убито 8, ранено 9. Баталіонъ былъ разсѣянъ. Успѣхъ купленъ весьма недорого.

Вообще все гурюкъ-даринское сраженіе велось почти исключительно кавалеріей. Оно показало *что* въ состояніи сдѣлать добрый эскадронъ съ храбрымъ человекѣмъ впереди. Всѣ офицеры вели себя честно и молодецки. Эскадронные командиры первыми врубаются въ толпы непріятели — вотъ чему мы приписываемъ весь успѣхъ, потому что въ кавалеріи самое главное дѣло — храбрость и рѣшимость, а то и другое зависитъ отъ офицеровъ.

Если кавалерія кидается въ атаку на пѣхоту, уже разстроенную, то успѣхъ ея несомнѣненъ. Удачныя атаки встрѣчаются почти въ каждомъ сраженіи, и потому мы не считаемъ нужнымъ приводить примѣры.

Но гдѣ кавалерія выказывается наиболѣе, такъ это въ нечаянныхъ атакахъ: быстрота движенія даетъ ей большія преимущества передъ противникомъ, который часто не успѣваетъ перестроиться и долженъ встрѣчать кавалерійскую атаку въ строю, невыгодномъ для боя.

Въ сраженіи при *Гайнау* (14-го мая 1813 г.) прусская ка-

валерія, подъ начальствомъ полковника Дольеса, пресѣкаявъ болѣе трехъ верстѣ изъ засады, напала на устроивавшіеся шесть батальоновъ дивизіи Мезона. „Нѣсколько батальоновъ было изрублено; другіе, разсѣявшись, искали спасенія въ бѣгствѣ и старались укрыться въ селеніи. Вообще *все дѣло продолжалось нѣсколько минутъ*. Только 15 эскадроновъ резервной кавалеріи и четыре эскадрона отряда Муціуса, съ тремя конными батареями, успѣли принять дѣйствительное участіе въ бою. Это славное дѣло стоило французамъ около *четырехсотъ* человѣкъ плѣнными. Захвачено побѣдителями *восемнадцать орудій*. Убито нѣсколько сотъ человѣкъ. Со стороны прусскихъ войскъ убито *шесть* и ранено пятнадцать офицеровъ; убито, ранено и безъ вѣсти пропало 229 нижнихъ чиновъ.“ (*)

Уронъ довольно значителенъ вышелъ потому, что пруссаки не удовлетворились первымъ успѣхомъ и нѣсколько разъ вырвали въ деревню Михельсдорфъ, гдѣ стояли два свѣжихъ батальона, разстрѣливавшіе ихъ изъ всѣхъ оконъ и дверей. Тутъ были убиты и храбрый Дольесъ.

Нападеніе на французскій паркъ при *Гальберштадтѣ* (18-го мая 1813 г.) представляетъ еще болѣе замѣчательный примѣръ: тутъ непріятель былъ готовъ и ждалъ атаки. У Чернышева было 2,350 человѣкъ казаковъ и регулярной кавалеріи и всего два орудія; у французовъ 2,000 пѣхоты и 14 орудій, разставленныхъ по фасамъ вагенбурга, который составляетъ, такимъ образомъ, сильное сомкнутое укрѣпленіе. Наши два орудія были поставлены на продолженіи одного изъ фасовъ. Съ первыхъ выстрѣловъ нашихъ, у французовъ взлетѣло *пять* зарядныхъ ящиковъ; въ вагенбургѣ произошло смятеніе. Этимъ Чернышевъ воспользовался: „казаки, гусары и драгуны кинулись на батареи, промчались подъ картечными выстрѣлами и, ворвавшись въ вагенбургъ, частію изрубили, частію забрали въ плѣнъ его защитниковъ“. (**). Трофеями были: 14 орудій, 1,000 плѣнныхъ, 800 лошадей и обозъ съ провіантомъ, оружіемъ и амуницией. У насъ потеря *не превышала сорока* человѣкъ! Не надобно упускать изъ вида, что нашъ отрядъ передъ боемъ сдѣлалъ усиленный переходъ, пройдя въ 30 часовъ 112 верстѣ. Вообще всѣ дѣйствія Чернышева отличались расчетливостію, рѣшитель-

(*) „Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи“ генерала М. Богдановича. Томъ 1-й.

(**) Тамъ же.

ности и свѣлосію, то есть именно такими качествами, которыми считаются самыми главными и необходимыми для кавалерійскаго генерала. Нѣтъ сомнѣній, что если бы боевая карьера Чернышева не окончилась такъ рано, благодаря миру, то русская кавалерія имѣла бы въ немъ своего Зейдлица. Лучше всего видѣнь Чернышевъ въ своей знаменитой экспедиціи къ *Касселю* (въ сентябрь 1813 г.). Прекрасно-задуманное предприятие было скоро и отчетливо выполнено, несмотря на незначительныя силы (8 эскадроновъ и 5 казачьихъ полковъ, при 4 орудіяхъ, всего 2,300 человекъ), и дало блистательные результаты: королевство Вестфальское *перестало существовать*, въ Кассель взято 30 орудій, 1,000 плѣнныхъ и 70,000 талеровъ военной казны, кромѣ того въ предшествовавшее взятію города дѣя было захвачено: въ *Кверфуртъ* казачьимъ разъѣздомъ (силою въ 80 человекъ), напавшимъ врасплохъ, весь отрядъ изъ сорока офицеровъ и пятисотъ рядовыхъ, у Касселя шесть орудій, стоявшихъ на выгонѣ безъ прикрытія; изъ конвоя бѣжавшаго короля взято 10 офицеровъ и 250 рядовыхъ, и во время преслѣдованія Багинецлера 20 кирасировъ и два орудія; а всего плѣнныхъ: офицеровъ 50, рядовыхъ 1,770, орудій взято 38. Наша потеря за все эти дни (съ 2-го по 19-е сентября) равнялась только 70 человекамъ (*).

Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, что 80 казаковъ, благодаря неожиданности, берутъ въ плѣнъ 500 человекъ пѣхоты при 40 офицерахъ!

Въ сраженіи при *Голенфридбергѣ*, три драгунскихъ прусскихъ полка прорвали центръ австрійской арміи. Одинъ изъ нихъ нѣсколькими повторенными атаками разбилъ 2-й баталіонъ, взялъ 2,000 плѣнныхъ, 66 знаменъ и пять орудій, потерявъ самъ не болѣе 28 человекъ убитыми и 66 ранеными.

Не разстроенная и готовая къ встрѣчѣ пѣхота не только отражаетъ кавалерійскія атаки, но причаается еще *презирать* кавалерію... Сильно рискуетъ тотъ начальникъ, который посылаетъ свою кавалерію на разстрѣляніе: прежде подготовь себя успѣхъ или дождись благопріятнаго момента и только тогда рѣшайся на атаку.

Пѣхота, увѣренная въ свои силы и знающая себя цѣну, даже не особенно хлопочетъ о построеніи каре, сдѣлавшагося

(*). Свидѣнія заимствованы у генерала Богдановича.

какимъ-то *симпатическимъ* средствомъ противъ кавалерійской атаки: она, напротивъ, преспокойно остается въ прежнемъ строѣ.

Изъ числа известныхъ намъ случаевъ мы назовемъ дѣло подъ *Нейштатомъ* 1760 года: два баталіона пруссаковъ прикрывали обозъ изъ 100 повозокъ; пѣхота шла повозочно по обѣ стороны обоза и была атакована *четырьмя полками* австрійской кавалеріи. Несмотря на видимое неравенство силъ и безпрестанныя атаки австрійцевъ, храбрые баталіоны продолжали движеніе, встрѣчая каждую атаку спокойнымъ огнемъ взводовъ. Такъ кавалерія и отстала ни съ чѣмъ. Пѣхота потеряла 140 человекъ, кавалерія болѣе 300.

Въ дѣлѣ подъ *Балаклавой* (13-го октября 1854 года) наши гусары атаковали баталіонъ шотландскихъ стрѣлковъ, который *остался въ развернутомъ строѣ* и открылъ огонь съ дистанціи *восьмисотъ* шаговъ: при залпѣ въ ста шагахъ гусары не выдержали и повернули назадъ.

Въ дѣлѣ подъ *Курюкь-Дара* (24-го іюля 1854 года), турки, послѣ неудачъ на правомъ своемъ флангѣ, гдѣ отдали уже 14 орудій нижегородскимъ и тверскимъ драгунамъ, рѣшились испробовать счастья на лѣвомъ и начали обходить нашъ правый флангъ. Рязскій баталіонъ, единственный представитель пѣхоты на нашемъ правомъ флангѣ, дрался отчаянно и, понеся огромныя потери, отступалъ шагъ за шагомъ. Пикинерный дивизионъ Новороссійскаго драгунскаго полка, подъ командой храбраго майора *Парчевскаго*, двинулся на выручку. Штуцерная цѣпь турецкихъ застрѣльщиковъ даже *не остановилась* и не строила кучекъ; два турецкихъ баталіона *остались въ развернутомъ фронтѣ*, а одинъ изъ нихъ обходилъ уже рязцевъ, и потому наши пикинеры попали подъ перекрестный огонь. Цѣль была смята. Парчевскій первый ворвался въ середину одного изъ турецкихъ баталіоновъ и въ тотъ же моментъ получилъ шесть ранъ штыками. Прапорщикъ *Костровицкій*, командиръ 4-го взвода 10-го эскадрона, заскакалъ съ своимъ взводомъ въ тылъ. Нѣсколько минутъ продолжалась сѣча; наконецъ баталіонъ былъ разбитъ и мелкими кучками отбивался еще отъ нашихъ пикинеровъ. Знамя было отнято; турки побѣжали. Пикинеры такъ увязались за ними, что, несмотря на всѣ усилія начальниковъ, не остановились до тѣхъ поръ, пока не наткнулись на вторую линію. На возвратномъ пути они были встрѣчены съ фронта огнемъ оставшагося въ живыхъ баталіона, а съ фланга эскад-

реингоу улаговъ. Драгуны ловко перемѣнили фронтъ и допеселись на улаговъ, которые, не дожидаясь астралы, свернули было направо, но и тутъ четвертый изводъ Костровицкаго едѣлъ заведъ и понесся улавамъ навстрѣчу. Пораженіе этихъ улаговъ было полное. Съ нашей же стороны въ этой сиваткѣ ранено двое...

Всѣмъ затѣмъ пикинеры съ линейцами бросились на баталіонъ, ворвались въ первые ряды, но были отбиты. Загоръ былъ такъ великъ, что драгуны не отходили отъ фронта и безпрестанно насаживали. Тогда генераль *Бановуть* (начальникъ всей кавалеріи) взялъ первый попавшійся ему дивизионъ артиллеріи и маршъ-маршемъ привелъ ее къ пикинерамъ.

Но пусть говоритъ очевидецъ:

„Види напрасную потерю въ людяхъ, Банговуть закричалъ: пикинеры и казаки назадъ! назадъ!“ Но разгоряченныя боемъ солдаты не слышали его голоса и не отходили отъ баталіона. Банговуть приказалъ пустить гранату черезъ головы.

„Это средство подѣйствовало мгновенно... быстро раздались наши направо и налево и очистили фронтъ артиллеріи, снявшейся уже съ передковъ. Четыре орудія почти въ упоръ ударили картечью въ пѣхоту. Цѣлые ряды ея повалились на землю, и турки поколебались.

„Теперь съ Богомъ!“ закричалъ Банговуть. Наши успѣли разорвать пѣхоту и черезъ интервалы бросились на орудія (спрятанныя передъ тѣмъ за пѣхоту).“ (*)

Четыре орудія были взяты; впрочемъ, одно изъ нихъ не могло быть вывезено, потому что передокъ его ускакалъ, баталіонъ былъ разсѣянъ и, такимъ образомъ, наступленіе турокъ было остановлено.

Истребивъ два баталіона пѣхоты, одинъ эскадронъ кавалеріи и взявъ четыре орудія, драгуны потеряли *убитыми*: одного офицера и 17 рядовыхъ; *ранеными* и *контуженными*: три офицера и 40 рядовыхъ, да еще одного занесла лошадь и онъ пропалъ безъ вѣсти. Лошадей убито 22, ранено 19.

И вообще все курюкъ-даринское сраженіе въ высшей степени поучительно: за каждымъ нашимъ успѣхомъ слѣдовало бѣшеное преслѣдованіе, приводившее часть въ совершенное разстройство; люди зарывались такъ далеко, что потомъ съ тру-

(*) „Воспоминаніе о закавказскомъ походѣ 1853—1854 г.“ („Военный Сборникъ“ 1860 г., № 1.)

домъ унесли ноги. Это, конечно, *ошибки грабровъ*, и мы ничего бы такъ не ждали, какъ чтобы въ нашей кавалеріи генералы дѣйствовали какъ Багровуль, эскадронныя командиры какъ Парчевскій, субалтернъ-офицеры какъ Костровицкій и солдаты какъ нижегородцы, тверцы и новороссійцы.

Мы убѣждены, что никто изъ участвовавшихъ въ бою не снахаетъ, будто атака на пѣхоту теперь невозможна; мы нарочно приводили вездѣ уронъ кавалеріи, чтобы наглядно показать всю ничтожность потери, въ сравненіи съ достигнутыми результатами.

И въ прежнее время успѣхъ доставался кавалеріи не менѣе тяжело, и прежде попадалась храбралъ пѣхота, и прежде кавалеріи доводилось терпѣть иногда самыя жестокия поразенія; но все-таки никто не отчаивался въ ея будущности....

Въ дѣлѣ при *Наваррь*, швейцарская пѣхота, вооруженная никами и алебардами, *атаковала, разбила наголову и почти совершенно уничтожила* цѣлый отрядъ французскихъ жандармовъ.

При *Арbedo* (30-го іюля 1422 г.), неподалеку отъ Беллинцоны, 3,400 человекъ швейцарской пѣхоты *атаковали* отрядъ графа Карманьолы, состоявшій изъ 14,000 кавалеріи, и *опрокинули* его съ значительнымъ урономъ. (*)

Тутъ ужъ не кавалерія атакуетъ, а *пѣхота*, и это свидѣтельствуетъ о ея высокой нравственной силѣ.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно также и сраженіе при *Минденъ*: шесть баталіоновъ англійской пѣхоты и два ганноверскіихъ стояли въ центрѣ и, безъ приказанія главнокомандующаго, двинулись впередъ, *развернутыми фронтомъ*, противъ 63 эскадроновъ французской кавалеріи, выдержали огонь 64 орудій и успѣшно отбили всѣ атаки первыхъ двухъ линій кавалеріи, дѣйствуя по ней залпами почти въ упоръ. Третья линія, изъ 18 эскадроновъ жандармовъ, охватила передніе баталіоны *сдѣланговъ* и тыла. Два баталіона были прорваны; но усѣбный огонь заднихъ баталіоновъ опрокинулъ жандармовъ. Смятые баталіоны поправились, и пѣхота, по древнему, *пошла впередъ*. Такимъ образомъ, *кавалерія была сбита*, центръ французовъ былъ прорванъ и сраженіе выиграно, благодаря замѣчательнымъ дѣйствіямъ англійской пѣхоты, которая потеряла *треть* людей. Кавалерія понесла урона около половины наличнаго числа.

Въ дѣлѣ при *Шенрабелъ* (1805 года) Подольскій и Азовскій

(*) Заимствовано изъ „Военно-Энциклопедическаго Лексикона“. С. 17. 1881

водили три раза пробивались штыками сквозь французскую пехоту.

Под *Аутерамцемъ* французскіе конно-гренадеры ворвались выходя изъ батальоновъ Преображенскаго полка, но были отбиты штыками и опрокинуты съ большимъ урономъ.

Въ сраженіи при *Нови* (въ 1799 году) дивизіонъ французской кавалеріи была здесь истребленъ штыками русскихъ каре. (*)

Замѣчательно, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ кавалерія потерпѣла особенно сильный уронъ, она имѣла дѣло со штыками, а не съ пулями. Вообще огонь пѣхоты больше дѣйствуетъ какъ звукъ, чѣмъ наноситъ существенный вредъ. Достаточно припомнить, что во многихъ сраженіяхъ пѣхота успѣвала вынуть по два комплекта пуль, а уронъ непріятеля все-таки былъ ничтоженъ. Это повело къ такому заключенію, сдѣланному Морисомъ Саксонскимъ: „чтобы вывести человека изъ сароя, надо повратить равное ему по вѣсу количества свинца“.

Намъ скажутъ, что мы приводили примѣры все изъ старыхъ войнъ, когда нарънанныхъ ружей не было. На это скажемъ вотъ что: „Нарьяны ружья опасны только на дальнемъ разстояніи (**); въ близкомъ же мѣстѣ одинаковы для нарънаго и пядкоствольнаго ружья, а такъ какъ „хорошая пѣхота ступа на штык“ (***) и тратить его попусту не захочетъ, то сфера дѣйствія пѣхотнаго огня противъ кавалеріи остается та же. Отсюда слѣдуетъ, что и условія успѣха кавалерійской атаки остаются прежнія.

Предположимъ даже, что пѣхота будетъ открывать огонь за версту: что же потребуется отъ кавалеріи?

Потребуется только, чтобы она раньше пускалась въ карьеръ.

Прежде кавалерія атаковала рысью, потомъ встрѣтилась необходимость оканчивать, хотя послѣдніе, 25 шаговъ галопомъ; теперь требуется: австрійскимъ уставомъ 30, французскимъ 60, русскимъ 100, прусскимъ 250 шаговъ карьера. Очевидно, что такая норма уже недостаточна, что въ параллель съ усовершенствованіями оружія пѣхоты, съ измѣненіемъ образа ея дѣйствій долженъ измѣниться и характеръ дѣйствія кавалеріи. Прежде,

(*) „Исторія французской кавалеріи въ сраженіяхъ революціи“. („Военный Журналъ 1837 г., № 1.)

(**) Слова Наполеона III въ приказѣ по войскамъ, въ день открытія итальянской кампаніи 1859 года.

(***) Маршалъ Вюжо.

когда пѣхота имѣла только одно *золотое* оружіе, кавалерія подходила къ ней даже шагомъ; лошадь служила только *ваши* перевозочное средство, бой же рѣшался мечами и *финтской* силой враговъ. Если лошадь и приносила въ *свалкѣ* какую-нибудь пользу, то единственно тѣмъ, что давала всаднику преимущество *командованія*, потому что рубить *осерку* легче. Кроме того опасность быть убитымъ—меньше, такъ какъ пѣхотинцу трудно рубить, съ достаточною силою, по головѣ и плечамъ всадника.

Съ введеніемъ арбалетовъ, которые пробивали *латы* на разстояніи до ста шаговъ, кавалерія *вынуждена* была проходить эти сто шаговъ по возможности *скорѣе*: потребовалась *рысь*. Появленіе огнестрѣльнаго оружія окончательно *измѣнило* порядокъ боя и самый способъ дѣйствія кавалеріи: она сама вооружилась *нарабинами*, подѣвжала *рысью* къ противнику, *оставливалась* въ 25 шагахъ и открывала огонь, въ атаку не пускалась *галопомъ*, и только тогда, когда замѣчала, что противникъ достаточно *разстроенъ* ея огнемъ.

Густавъ-Адольфъ вывелъ изъ употребленія этотъ способъ: онъ заставилъ свою кавалерію *атаковать* въ *галопъ* и съ *саблей* наголо. Морицъ Саксонскій требовалъ уже *замѣчательной* быстроты атакъ: „та кавалерія, которая на *пространствѣ* двухъ тысячъ метровъ (почти двѣ версты) не въ состояніи *атаковать* своего противника *въ галопъ*, ни къ чему не годится на *полѣ* сраженія“.

Ужь если тогда требовалась такая *быстрота*, то какимъ образомъ мы хотимъ *отдѣлаться* пятьюдесятью шагами? Если намъ *возразятъ*, что отъ кавалеріи нельзя требовать въ сраженіи *карьерера* на *цѣлую* версту, то мы укажемъ на *нѣсколько* примѣровъ, довольно *вразумительныхъ* для того, чтобы можно было на нихъ *основываться*, и довольно *опредѣлительно* доказывающихъ что можетъ *вынести* лошадь.

Во время послѣдняго польскаго возстанія, 1861 — 1864 годовъ, знаменитый *войсковой* старшина Занкиовъ, *узнавъ* о близости *извѣстной* шайки *Косы*, выступилъ 28-го января 1864 года, въ два часа пополудни, изъ Варшавы съ *отрядами* изъ 120 *линейцевъ* и 20 *донцовъ*.

Первый *ночлеги* былъ въ м. *Пясечна*, второй въ д. *Пилыцы*; 30-го *переправа* черезъ Вислу близъ *Рычиволя*, 31-го *обратная* переправа близъ д. *Тыржинь*. Утромъ 1-го февраля *не* потребованъ

быть изъ д. *Зволеня* взводъ стрѣлковъ Могилевскаго полка, присоединившійся къ казакамъ въ д. *Хеслы*. 2-го февраля отрядъ былъ отведенъ фальшивымъ показаніемъ на десять верстъ въ сторону и наконецъ *сталъ въ Астржембе для отдыха, съѣхавъ въ два дня, 1-ю и 2-ю февраля, 225 верстъ съ однимъ малымъ приваломъ!*... 3-го февраля отрядъ настигъ шайку у м. *Гловачево*, разбилъ ее и преслѣдовалъ черезъ деревни Ксаверовъ, Дуцка-Воля до д. *Маринки* (кажется, около 20 верстъ) (*), при чемъ шайка почти вся была истреблена: въ ней убито и ранено 100, взято въ плѣнъ 5. У насъ же убитъ 1, ранено 4 и контужено 7.

Итакъ, по 112 верстъ въ день, потомъ бой, горячее преслѣдованіе и полное пораженіе непріятеля, да еще сколько пройдено до 1-го февраля!

Рутенбергъ, въ своемъ „Руководствѣ къ познанію лошади“, рассказываетъ, что у него была украинская лошадь, *которой ничему не значило съѣхать 120-верстный переходъ*. Наша регулярная кавалерія имѣетъ полное право не вѣрить такимъ подвигамъ.

Въ дѣлѣ при *Курюк-Дара*, когда дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка (только-что вернувшійся изъ несчастной схватки на правомъ флангѣ) получилъ приказаніе снова идти въ атаку, командующій этимъ дивизиономъ капитанъ просилъ позволенія дать отдохнуть измученнымъ лошадямъ, которыя „были подъ сѣдломъ у горы *Караялъ*, съ 10 часовъ вечера, *болше 14 часовъ безъ водопоя и съѣхавъ до двадцати верстъ на карьеръ*, вслѣдствіе этого пришли въ крайнее истомленіе и могли двигаться *только шагомъ*“. (**)

Не забудьте, что тверскіе драгуны вовсе не были подготовлены къ такимъ трудамъ воспитаніемъ мирнаго времени: они явились въ Закавказье прямо изъ Россіи.... Да еще и то надо принять къ свѣдѣнію, что вѣдь это драгуны: тутъ и каски и ружья—все тяжесть.

Въ 1856 году, возвратясь изъ Крыма, нашъ (Чугуевскій уланскій) полкъ размѣстился въ маѣ мѣсяцѣ въ Харьковской губерніи, въ бывшемъ поселеніи кирасировъ, имѣющемъ итѣтъ полка въ слободѣ Кременной.

(*) Рапортъ Занкисова отъ 6-го февраля 1864 г. военному начальнику Варшавскаго отдѣла. (Изъ «Русскаго Инвалида» за 1864 г., № 34.)

(**) Замѣтки на статью „Воспоминаніе о закавказскомъ походѣ“. „Военный Сборникъ“ 1860 г., № 12.

Для освѣженія лошадей, послѣ крымской голодухи, признано было выпустить ихъ на подножный кормъ въ табуны. Скоро однако въ одномъ эскадронѣ случилось: слѣдующее: вечеромъ, на водопоѣ, одна лошадь чего-то испугавшись, вырвалась и бросилась назадъ; за ней шарахнулась весь табунъ. Дежурные, находившіеся при табунѣ верхами, посакавали слѣдомъ, но скоро потеряли табунъ изъ вида. На другой день большую часть лошадей нашли во дворахъ какой-то деревни, находившейся почти *въ пятидесяти верстахъ* отъ несчастнаго водопоя. Нѣсколько лошадей были отысканы долго спустя верстъ за сто.

Всѣ эти примѣры доказываютъ, что лошадь можетъ выносить безъ особеннаго вреда довольно продолжительную скачку и что если мы потребуемъ отъ лошади даже десяти верстъ карьера, то не потребуемъ невозможнаго.

Вѣдь, въ сущности говоря, для чего намъ нуженъ карьеръ на *девѣ версты*? Вовсе не для того, чтобы избавиться отъ огня пѣхоты—огонь и безъ того ничего не стоитъ: приучая кавалерію къ продолжительной скачкѣ, мы можемъ быть увѣрены, что наши короткія атаки не будутъ казаться утомительными; мы смѣло вызовемъ изъ резерва свою кавалерію и напустимъ ее на врага: ея не остановитъ разстояніе.

Теперь бой начинается съ болѣе дальней дистанціи: понятно, что если захочешь воспользоваться какимъ-нибудь замѣшательствомъ въ рядахъ непріятельской пѣхоты или кавалеріи, то долженъ будешь отказаться отъ рыси, иначе придешь къ цѣли только для того, чтобы быть побитымъ.

Кабинетные бойцы высчитываютъ невѣсть какіе ужасы для той бѣдной кавалеріи, которую судьба обречетъ на несчастіе атаковать пѣхоту. Пѣхота—говорятъ они—можетъ сдѣлать три выстрѣла въ минуту; прусская, со своими игловыми ружьями, сдѣлаетъ даже восемь въ то время; какъ кавалерія проходитъ четыреста-шаговое разстояніе; затѣмъ слѣдуютъ математическія выкладки по таблицамъ послѣднихъ опытовъ стрѣльбы въ цѣль; дѣлается нѣкоторая скидка процентовъ дѣйствительности въ соображеніи ненормальнаго состоянія духа, и наконецъ: приходятъ къ заключенію, что кавалерійскій полкъ, вздумавшій атаковать двухшереножное баталіонное каре, потеряетъ 255 человекъ. (*)

(*) Этотъ расчетъ сдѣлалъ Бонап-дю-Мартрей въ примѣчаніи къ своему переводу „Тактики“ Полана.

Двѣсти-пятьдесять-пять человѣкъ.... Да вѣдь это два эскадрона!

Конечно, если пѣхота будетъ стрѣлять такъ, какъ стрѣлять по кавалеріи почтенный Бонно-дю-Мартрей, то пожалуй кончится тѣмъ, что всю кавалерію однимъ залпомъ убьютъ наповаль.

На самомъ же дѣлѣ огонь пѣхоты далеко не подходитъ къ вычисленіямъ, основаннымъ на учебной стрѣльбѣ по мишенямъ.

Начать съ того, что опредѣленіе разстояній въ кавалерійской атакѣ вещь очень трудная, если не невозможная: разстояніе измѣняется съ каждою секундой; пропусти три, четыре секунды на выстрѣль, и пуля не найдетъ вповсѣхъ. Попасть въ движущійся прямо на васъ предметъ тоже довольно трудно. Возьмите еще въ расчетъ, что пѣхота, стрѣляющая рядами, хочетъ сдѣлать побольше выстрѣловъ, а количество всегда достигается на счетъ качества. Потомъ не упустите изъ вида, что дымъ сильно мѣшаетъ цѣлиться, и, наконецъ, ожиданіе близкой опасности не одну руку заставитъ дрогнуть. Ружья улучшились, а глазъ и сердце остались тѣ же. Спрашивается: много ли пуль попадетъ при такихъ условіяхъ? Попадаютъ только случайно: никто не можетъ поручиться за выстрѣль, и вотъ причина того незначительнаго урона, который обыкновенно несетъ кавалерія при атакѣ на пѣхоту.

Сраженіе при Курюкъ-Дара дало намъ два хорошихъ примѣра. Турки какъ будто дѣлали опыты: одинъ баталіонъ встрѣтилъ атаку залпомъ въ двадцати шагахъ, а другой началъ пальбу съ дистанціи трехсотъ; оба баталіона были изрублены, но первый убилъ въ атаковавшемъ эскадронѣ шесть человѣкъ, а второй одного, раненныхъ же было по 11 человѣкъ.

Спросите каждаго пѣхотинца, когда онъ можетъ ручаться болѣе за свой выстрѣль въ такую огромную цѣль, какъ кавалеристъ: на разстояніи ли тысячи шаговъ, или въ упоръ? Конечно, въ упоръ.

Такъ если и въ упоръ попадаютъ только *въ шестерыхъ* человѣкъ, стоитъ ли говорить послѣ этого объ огнѣ, хотя бы и штуцерномъ?

Вотъ почему мы имѣли полное право сказать, что при кавалерійской атакѣ выстрѣлы пѣхотинца дѣйствуютъ болѣе своимъ звукомъ, чѣмъ дѣйствительно наносятъ вредъ. Звукъ выстрѣла пугаетъ лошадь, пугаетъ малодушнаго всадника, заглушаетъ въ рядахъ пѣхоты громкое бѣненіе трусливаго сердца.

Молодая, необтесаная саблями пѣхота любитъ пальбу и часто безъ приказанія открываетъ ее.... Стоитъ побывать въ передѣлкѣ раза три, и она узнаетъ, что кавалерійскую атаку легче можно отбить безъ выстрѣла, чѣмъ самой жестокой трескотней, потому что на кавалерію сильнѣе дѣйствуетъ *ожиданіе* залпа, чѣмъ самый залпъ. Вотъ почему всѣ военные писатели, всѣ боевые начальники предпочитаютъ залпъ цѣлымъ фронтомъ всякому другому виду пальбы, даже пальбѣ пошереножно, которая чаще всего обращается въ батальный огонь.

„Лучшій огонь—это залпъ всѣмъ фасомъ вблизи и впору.“ (*)

Какъ важно умѣть *выдержать характеръ* и не торопиться стрѣлять по атакующей кавалеріи, можно судить уже изъ того, что маршалъ Бюжо рекомендуетъ начальникамъ употреблять слѣдующее оригинальное, но вѣрное средство: „Пусть баталіонный командиръ, адъютантъ и другіе начальники станутъ передъ фронтомъ и скажутъ: друзья! хотите ли вы стрѣлять по своимъ начальникамъ? Мы не уйдемъ отсюда, пока не станетъ время открыть огонь.“ (**)

По тому, какъ хладнокровно ждетъ пѣхота кавалерійскую атаку и какъ долго не открываетъ огня, можно судить довольно вѣрно о ея достоинствахъ. Имѣть вѣрное понятіе о свойствахъ и состояніи духа своего противника болѣе чѣмъ необходимо для того, кто не хочетъ дѣйствовать наугадъ.

„Если не знаете состоянія духа пѣхоты, пощупайте ее. Для этого ведите кавалерію вдоль фронта пѣхоты или развертывайтесь передъ нею въ 500 метрахъ (около 250 сажень) и посылайте нѣсколькихъ наѣздниковъ пострѣлять и попылить около пѣхоты. Если она, вмѣсто того, чтобы остаться спокойною передъ этой демонстраціей, откроетъ огонь, она погибла. Тотчасъ же, нимаго не мѣшкая, кавалерія должна идти въ атаку, не разбирая, въ какомъ бы строю сама ни находилась: въ развернутомъ или въ колоннахъ. Если же, напротивъ, пѣхота не пугается и только нѣсколько стрѣлковъ, выйдя изъ рядовъ, отстрѣливаются отъ наѣздниковъ, то надобно сначала разстроить пѣхоту артиллеріей и выждать благоприятнаго момента.“ (***)

Преждевременное открытіе огня пріучаетъ кавалерію къ его трескотнѣ, а безвредность выстрѣловъ ободряетъ всадниковъ.

(*) *Maximes, conseils et instructions sur l'art de la guerre. 1855.*

(**) *Aperçus sur quelques détails de la guerre.*

(***) *Maximes, conseils et instructions sur l'art de la guerre.*

Въ итальянскую кампанію 1859 года кавалерія употреблялась вообще очень мало, вслѣдствіе сильно-пересѣченной мѣстности, которая иногда была до того изрѣзана, что представляла неодолимые затрудненія даже для пѣхоты.

„Межи, границы между полями и дороги обсажены высокими деревьями, множество канавъ, вырытыхъ для разведенія риса и весьма часто окруженныхъ плотинами (*), кустарники и рѣчки“ — вотъ гдѣ приходилось дѣйствовать кавалеріи.

Въ сраженіи при *Сольферинно*, въ восемь часовъ утра полковникъ Эдельсгеймъ, съ четырьмя эскадронами гусаровъ, общедѣлѣ лѣвое крыло французской арміи, опрокинулъ разѣзды съ ихъ резервами, смялъ у Каза-Марино стрѣлковую цѣпь фланговыхъ баталіоновъ, покусившихся было загородить дорогу, и опрокинулъ высланный противъ него полкъ конныхъ егерей. Однако дивизія Менсдорфа не поддержала его. Эдельсгеймъ двинулся далѣе, рассчитывая, что положеніе его не могло измѣниться къ худшему. Въ авангардъ высланъ былъ одинъ эскадронъ Ледерера; остальные шли въ одну линію съ большими интервалами. Скоро авангардъ наткнулся на голову сильной кавалерійской колонны. Не обращая вниманія на то, что эскадронъ конныхъ егерей угрожалъ его флангу, Ледереръ бросился на сомкнутую кавалерійскую колонну и, опрокинувъ ее, преслѣдовалъ по шоссе, пока не наткнулся на пѣхоту, засѣвшую за каменной стѣной у дороги; конные егеря, угрожавшие флангу, были смяты другимъ эскадрономъ. Подкрѣпленій однако все еще не было, и потому Эдельсгеймъ рѣшился отступить. У Каза-Марино ему снова загородила дорогу французская пѣхота; но гусары, выславъ на стрѣлковъ одинъ эскадронъ, который смялъ ихъ, продолжали отступление.

Въ этомъ дѣлѣ гусары произвели четыре атаки на кавалерію, два раза уничтожили стрѣлковыя цѣпи, а всего подъ огонь пѣхоты подвернулись три раза, *потери же отъ огня никакой не понесли*: весь уронъ убитыми и ранеными состоялъ изъ 8 офицеровъ и 125 рядовыхъ, въ числѣ которыхъ „одинъ только человекъ былъ раненъ осколкомъ гранаты, остальные холоднымъ оружіемъ“.

Кавалерія несетъ существенныя потери только тогда, когда она отбита: пѣхота начинаетъ стрѣлать хладнокровнѣе, и ка-

(*) „Итальянская кампанія 1859 года“, переводъ Фельдмана.

валеріи приходится *два раза* пройти *сверху* дѣйствительности ружейнаго огня: одинъ разъ при атакѣ, другой разъ при отступленіи, слѣдовательно потери вдвое болѣе. Прибавьте къ этому сильный проигрышъ въ нравственномъ отношеніи, и вы придете къ простому выводу, что кавалерійскими атаками надо дорожить, выжидать случая; а разъ рѣшились, то идти какъ слѣдуетъ.

Въ неудачахъ атакъ на пѣхоту болѣею частію виноваты кони: они ужъ такъ приучены, чтобы всего бояться. Замѣчено, наприимѣръ, что на маленькія каре атаки рѣже удаются, чѣмъ на большія, потому что лошади имѣютъ возможность свернуть вправо и влево и обойти эти огненные кучки. Если фасъ длинень, то обойти его трудно и лошади по неволѣ врываются тамъ и сямъ (*). Правда, удлинняя фасы каре, мы увеличиваемъ число выстрѣловъ, но за то увеличиваемъ и число враговъ.

Вотъ почему стали предпочитать маленькія каре.

Лошадь сама по себѣ есть одно изъ благороднѣйшихъ и наиболѣе смѣлыхъ животныхъ, но все-таки инстинктъ самохраненія развитъ въ ней достаточно сильно для того, чтобы не стукнуться лбомъ въ стѣну. Инстинктъ этотъ, подъ вліяніемъ соответствующаго воспитанія, можетъ быть болѣе или менѣе притупленъ, но не на столько, чтобы *заставить всякую лошадь идти, наприимѣръ, въ окопъ*.

„Если мы видимъ пѣхоту—говоритъ Маккиавелли—(**), въ незначительномъ числѣ весьма часто отражающую съ успѣхомъ ударъ кавалеріи, то не должны удивляться, принявъ во вниманіе, что лошадь есть животное, одаренное превосходнымъ инстинктомъ, которое понимаетъ опасность и неохотно ей подвергается. Разсматривая объ, взаимно противныя силы, которыя дѣйствуютъ на лошадь при атакѣ, вы убѣдитесь въ томъ, что *сила побудительная гораздо слабѣе силы удерживающей* и что если съ одной стороны всадникъ побуждаетъ къ движенію свою лошадь шпорами, то, взамѣнъ таковаго побужденія, ее останавливаетъ грозный видъ непріятельскихъ мечей и копій. По этой причинѣ и въ новѣйшее время нерѣдко горсть пѣхоты отражала съ успѣхомъ стремительнѣйшія атаки кавалеріи. Не думайте, чтобы быстрота движенія усиливала ударъ и не позволяла лошадямъ видѣть опасность: какъ только направить ихъ на ряды, усаженные копьями, то онѣ замедляютъ свой

(*) Замѣчаніе маршала Бюжо.

(**) Военное искусство („Военная Библіотека“, томъ IV).

ходъ и если всадники станутъ побуждать ихъ ипоррами къ дальнѣйшему движенію, то сворачиваютъ въ сторону. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно пуститься верхомъ прямо противъ стѣны: весьма мало найдется такихъ лошадей, которыя, вполне повинаясь своимъ сѣдокамъ, прямо ударятся въ стѣну.

Сравненіе почти вѣрное. Мы говоримъ *начли* на томъ основаніи, что лошадь, стукнувшись объ стѣну, самое малое, что разобьетъ себѣ голову; стукнувшись объ пѣхотный строй, самое малое, что разорветъ его, а это уже разница.

Къ тому же невозможно и нельзя приучать лошадь бити лбомъ въ стѣну, тогда какъ ломить пѣхоту не только возможно, но и должно приучить. Способъ довольно простой: къ концу ученя спѣшивать часть кавалеріи, ставить пѣшихъ на извѣстныхъ интервалахъ, сивозъ которые и заставлятъ проходить оставшихся конными на всѣхъ аллюрахъ. Потомъ можно дѣлать это же съ пальбой. Такой способъ придуманъ былъ незабвеннымъ Суворовымъ и съ большимъ успѣхомъ примѣнялся въ русской и австрійской кавалеріяхъ. Онъ еще не забытъ, но давно уже не употребляется.

Намъ кажется, что, при нынѣшней системѣ обученія, въ особенности на двухстороннихъ ученяхъ, и люди и лошади приучаются вовсе не къ тому, что они должны дѣлать въ бою. Возьмемъ, на примѣръ, атаки эшелонами: чтобы всѣ эскадроны могли произвести атаку, надобно допустить, что всѣ предыдущія атаки были отбиты. Такъ и предполагается: первый эскадронъ атакуетъ каре и, подкачавъ на 50 шаговъ, считаетъ себя отбитымъ, а чтобы поскорѣе очистить мѣсто второму эскадрону, дѣлаетъ заѣздъ пополуэскадронно направо и на лѣво; второй эскадронъ дѣлаетъ то же самое, третій и четвертый повторяютъ то же...

Въ настоящемъ бою не выйдетъ того же. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ приучать кавалерію останавливать атаку и отходить отъ непріятеля именно тогда, когда это менѣе всего позволительно.

Видъ отчего происходятъ всѣ неудачи кавалеріи?

Отъ несообразнаго подготовленія и несообразнаго употребленія ея: учите какъ училъ Суворовъ, ведите въ бой *наикъ* водили Зейдлицъ, употребляйте ее *только* тогда, когда это возможно, когда болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ на неудачу. „Вообще бой между кавалеріей и пѣхотой имѣетъ мѣсто толь-

ко въ концѣ сраженія, и тогда, *не смотря на измѣненіе пѣхотной тактики*, вѣрное и искусное употребленіе кавалеріи даетъ возможность достигнуть блистательныхъ результатовъ. Пѣхота, въ продолженіе боя, утрачиваетъ большую часть своей боевой способности; порядокъ ея нарушается, ряды пустѣютъ, нравственная сила ослабѣваетъ; тѣ, которые поддерживали ее—начальники и храбрые солдаты—частію перебиты, частію выбыли изъ строя.“ (*) Вотъ когда слѣдуетъ атаковать пѣхоту.

Но и въ продолженіе самаго боя представляются благопріятные моменты, когда пѣхота бываетъ слабѣ обыкновеннаго и когда смѣлая атака кавалеріи наиболѣе для нея опасна. Объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь заключимъ вопросъ о вліяніи нарѣзнаго оружія на значеніе и образъ дѣйствій кавалеріи слѣдующими положеніями:

1) Дѣйствительность огня пѣхоты противъ атакующей ее кавалеріи не усилилась; лучший огонь все-таки въ упоръ, при чемъ шансы гладкоствольныхъ и нарѣзныхъ ружей одинаковы.

2) Атаки кавалеріи на неразстроенную пѣхоту будутъ и теперь такъ же рѣдко удаваться, какъ прежде.

3) Атака же на разстроенную всегда удается, если лошади *согласятся* идти въ ряды пѣхоты, а для этого:

4) Надобно обратить особенное вниманіе на цѣлесообразное обученіе кавалеріи.

5) Надобно беречь кавалерію, пока не представится благопріятнаго случая, и не падать ее, когда атака рѣшена.

6) Такъ какъ штуцера и нарѣзные пушки раздвинули противниковъ на значительное разстояніе, то кавалерія должна увеличить свою подвижность, должна сдѣлаться способною къ болѣе продолжительнымъ движеніямъ на быстрыхъ аллюрахъ, чтобы какъ можно скорѣе проходить разстояніе до противника и, такимъ образомъ, имѣть возможность выполнить свое главное назначеніе—быть орудіемъ момента.

7) Нарѣзные батареи междѣ опасны для кавалеріи, чѣмъ гладкостѣнные, ибо картечь первыхъ слабѣе.

Итакъ, на всѣ усовершенствованія въ артиллеріи и въ пѣхотѣ кавалерія отвѣчаетъ только *однимъ* усовершенствованіемъ: увеличеніемъ быстроты и подвижности.

Но и въ этомъ отношеніи она выполняетъ только свое прямое назначеніе, выполнять ту задачу, которая всегда лежала

(*) „Лекціи о тактикѣ“ Григегейма. Приложение къ „Военному Сборнику“.

въ основѣ ея дѣйствій и которая давно уже выразилась словами Морица Саксонскаго: „та кавалерія, которая на пространствѣ 2,000 метровъ (1,000 сажень) не въ состояніи атаковать своего противника въ галопъ, ни къ чему не годится на полѣ сраженія“.

Кромѣ быстроты и смѣлости, кавалеріи больше нечѣмъ взять.

Да если и допустимъ, что въ бою кавалерія черезчуръ рискуетъ, что игра ей не по силамъ, то ничто не мѣшаетъ выбрать для нея другой способъ, менѣе рискованный: это работа внѣ боя.

Въ первый періодъ боя потери больше у наступающаго, и только послѣ выигрыша сраженія, *если есть чѣмъ преслѣдовать*, потери увеличиваются у побитаго. Преслѣдовать можно только кавалеріей. Подъ Люценомъ (20-го апрѣля 1813 г.) у Наполеона не было достаточно кавалеріи, не было и преслѣдованія, а потому потери французовъ простирались до 15,000 убитыми и ранеными, тогда какъ у союзниковъ до 12,000.

То же случилось и подъ Бауценомъ (8-го и 9-го мая 1813 года). Французы потеряли до 18,000, а союзники только до 12,000, и хотя принуждены были отступить, но не отдали въ обоихъ этихъ сраженіяхъ ни одной пушки и почти ни одного плѣннаго, тогда какъ сами захватили: подъ Люценомъ 800 плѣнныхъ и 5 пушекъ, а подъ Бауценомъ 600 плѣнныхъ и 2 пушки. Но очевидно, что, дѣйствуя *внѣ* боя, нельзя уже посылать безпрестанно за приказаніями и требовать на все разрѣшенія начальства: приходится дѣйствовать самостоятельно и на собственной отвѣтственности. Отсюда необходимость имѣть хорошихъ кавалерійскихъ офицеровъ, необходимость развивать въ начальникахъ извѣстные боевыя качества, которые на первый разъ могутъ ограничиться двумя: надобенъ *быстрый взглядъ*, подмѣчающій каждое движеніе, каждый промахъ непріятеля, схватывающій налету благоприятные моменты, и затѣмъ *рѣшительность* безоглядная и твердая.

Даже и этихъ двухъ качествъ не встрѣтишь въ одномъ и томъ же человѣкѣ, потому что на *рѣшительность* сильно и неотразимо влияетъ *страхъ отвѣтственности*. Въ своемъ мнѣствѣ мы подробно изслѣдуемъ этотъ вопросъ, здѣсь же скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, лучше зарваться, получить нагоняй за излишнюю отвагу, нежели черезчуръ благоумною осторожностію и нерѣшительностію доказать свою неспособность обращаться съ кавалеріей.

„Если храбрая атака не-вовремя есть *ошибка*, то немѣстное бездѣйствіе есть преступленіе.“ (*)

Люценское сраженіе, гдѣ мы располагали 14,000 кавалеріи, могло быть вторымъ Росбахомъ, если бы *Вишницероде* быть *Зейдлицемъ*. Сраженіе было неожиданностію для Наполеона. Французы имѣли весьма мало кавалеріи и должны бы были выстраиваться подъ атаками многочисленной и прекрасной конницы союзниковъ, выросшей въ школѣ Зейдлица. Кавалерія въ огромныхъ массахъ стояла все время у деревни Старзиделя, на лѣвомъ флангѣ, „оставаясь въ оборонительномъ положеніи, что несообразно съ духомъ кавалеріи“. (**)

„Если атака не можетъ быть произведена, то кавалерія теряетъ всю свою цѣну и дѣлается слабѣйшимъ изъ всехъ оружій, оставаясь лишь бесполезною декорациею.“ (***)

Къ концу боя, когда обѣ стороны уже достаточно разстроены, преимущество остается за тою, которая обладаетъ большимъ числомъ кавалеріи или лучшею кавалеріею. Начинается періодъ болѣе или менѣе успѣшныхъ атакъ, и такъ какъ представитель наступательнаго элемента есть кавалерія, то главная роль въ окончаніи и рѣшеніи боя принадлежитъ ей. Какая-нибудь блестящая кавалерійская атака, вовремя поддержанная резервами, можетъ окончательно рѣшить участь боя. Пѣхота для атаки должна будетъ пройти около версты разстоянія подъ выстрѣлами противника и потому не можетъ быть употреблена съ большимъ успѣхомъ; слѣдовательно, усовершенствованіе въ оружіи не только не уронило, но, напротивъ, возвысило значеніе кавалеріи, какъ наступательнаго рода оружія. Довершить пораженіе, доконать противника можно только съ кавалеріей: приведенные нами примѣры бауценскаго и люценскаго сраженій ясно показываютъ, какое вліяніе на результаты боя имѣетъ недостатокъ кавалеріи у побѣдившей стороны; но это примѣры отрицательные. Чтобы показать, какіе результаты получаютъ, когда *есть чѣмъ* преслѣдовать—есть кавалерія—приведемъ примѣръ сраженія у *Монмираля*, гдѣ Блюхеръ потерпѣлъ неудачу и, отступая чрезъ *Воманъ* и *Шанноберъ* къ *Этожу*, упорно оборонялся на каждой позиціи; однако французская кавалерія смѣло преслѣдуетъ, безпрестанно угрожаетъ обходами, а у *Шанно-*

(*) „Прусская кавалерія при Фридрихѣ II“, „Военный Журналъ“ 1843 г., № 4.

(**) „Исторія войны 1813 года, за независимость Германіи“. Т. I. М. Богдановича.

(***) «Лекціи о тактикѣ» Грисгейма, стр. 284.

бера, при выходѣ изъ лѣса, даже атакуеть въ тылъ. Результатомъ преслѣдованія было 7,000 плѣннѣхъ, то есть почти половина всего корпуса Блюхера (у него было до 15,000.)

Послѣ сраженія подъ *Кульмомъ* (17-го и 18-го августа 1813 года), благодаря настойчивому преслѣдованію, Вандомъ потерялъ убитыми и плѣнными болѣе половины наличнаго числа. Онъ имѣлъ 30,000; изъ нихъ убито было около 6,000, а въ плѣнъ взято 10,000. (*)

При отступленіи, опять одна изъ важнѣйшихъ ролей принадлежитъ кавалеріи и преимущественно драгунамъ, которые могутъ пользоваться каждымъ мѣстнымъ предметомъ, чтобы остановить непріятельскую кавалерію въ арьергардныхъ дѣлахъ. Пѣхота въ этомъ случаѣ не можетъ держаться на позиціи такъ долго, какъ драгуны, которые, въ случаяхъ крайней опасности, сядя на лошадей, имѣютъ еще возможность безопасно отступить.

Аванпостная служба, развѣдываніе и другія дѣйствія малой войны и теперь составляютъ спеціальность кавалеріи. Даже на такой пересѣченной мѣстности, какова мѣстность театра дѣйствій въ итальянскую кампанію 1859 года, даже и тамъ постоянно чувствовался недостатокъ въ кавалеріи, несмотря на то, что съ обѣихъ сторонъ было почти по 26 полковъ. Не имѣя достаточнаго числа кавалеріи, противники не могли собирать другъ о другѣ никакихъ точныхъ и своевременныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего нерѣдко дѣйствовали наугадъ, а одинъ разъ совершенно неожиданно столкнулись даже другъ съ другомъ. (**)

Партизанскія дѣйствія тоже останутся за кавалеріей.

Усовершенствованія въ оружіи не только не повредили, но скорѣе помогли кавалеріи: она беретъ съ собою куда нужно нарѣзные пушки; драгуны не остались при гладкоствольныхъ ружьяхъ. Слѣдовательно, польза, какую можно ожидать отъ кавалерійскихъ отрядовъ, будетъ значительно больше.

Доказательствомъ тому, что и *впл* боя можно достигать отличныхъ результатовъ, служитъ свидѣтельство Морана, что въ 1812 году французская кавалерія истреблена однѣми тревогами нашихъ казаковъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и *впл* боя кавалерія сохранила за собою прежнее значеніе, нисколько не измѣнивъ даже способа дѣйствій.

(*) Свѣдѣнія заимствованы изъ „Исторія войны 1813 года“ М. Богдановича.

(**) Вой при Сольферино.

КАКИМЪ ЧИСЛОМЪ КОННИЦЫ МОЖНО ОБОЙТИСЬ?

Вопросъ этотъ самый важный изъ всѣхъ, какіе только могутъ вытекать изъ экономическихъ соображеній и сомнѣнія въ пользѣ кавалеріи.

Въ мирное время этотъ вопросъ дѣлается чисто-экономическимъ, не переставая однакожь быть и тактическимъ, потому что извѣстныя условія обученія войскъ и скорость перехода на военную ногу заставляютъ тактику полагать администраціи извѣстные предѣлы, за которые не должно переходить увлеченіе преимущественно экономическими стремленіями.

Въ военное время вопросъ становится уже тактическимъ, завися, въ свою очередь, отъ администраціи, такъ какъ расходы по содержанію арміи обуславливаются экономическими средствами государства.

Соображенія тактики основываются прежде всего на свойствахъ мѣстности театра войны: чѣмъ мѣстность открытѣе, тѣмъ дѣйствовать кавалеріи легче и удобнѣе и, слѣдовательно, тѣмъ чаще придется ее расходовать, тѣмъ ощутительнѣе будетъ ея недостатокъ.

„Кавалерія должна составлять *четвертую* часть пѣхоты на театрѣ войны во Фландріи или въ Германіи, *шестую* часть въ Италіи и въ Испаніи и *двадцатую* на Пиренеяхъ и Альпахъ.“ (*) Такая норма, конечно, не можетъ оставаться постоянною: она, въ свою очередь, зависитъ отъ развитія, въ данную эпоху, военного искусства. Съ измѣненіемъ способовъ дѣйствій, съ усовершенствованіемъ оружія, отношеніе тотчасъ измѣнялось: сначала, на примѣръ, употреблялись колесницы, кавалеріи не было; потомъ начали употреблять и кавалерію, которая дѣйствовала такъ удачно, что сдѣлалась первенствующимъ родомъ войскъ и силу армій высчитывали по числу мечей или копій, составлявшихъ отличительное вооруженіе конницы. Пѣхота вовсе въ расчетъ не принималась, такъ какъ служила только для того, чтобы добывать раненыхъ и вязать плѣнныхъ, вслѣдствіе чего нерѣдко она являлась въ бою вооруженная лишь палками.

(*) *Maximes de guerre de Napoleon.*

Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія значеніе кавалеріи поколебалось и превѣсь перешель на сторону пѣхоты. Со времени тридцатилѣтней войны, когда дѣйствія Густава-Адольфа были истолкованы такимъ образомъ, что сначала надобно дѣйствовать осторожно, овладѣть чуть-ли не всѣми укрѣпленными пунктами страны (Густавъ-Адольфъ до Брейтенфельда дѣйствовалъ такъ для сохраненія сообщений со Швеціей), а затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительно и быстро, кавалерія снова сдѣлалась первенствующимъ родомъ войска. Такъ продолжалось до Фридриха II, который уменьшилъ численность кавалеріи до $\frac{1}{4}$ относительно пѣхоты; въ эпоху же революціонныхъ войнъ это отношеніе уменьшилось отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{8}$ (*).

Въ послѣднія кампаніи численность кавалеріи уменьшилась еще болѣе.

Въ 1854 году: у французовъ 1 : 25, у русскихъ 1 : 9, у англичанъ 1 : 8.

Слѣдовательно, вообще численность кавалеріи составляла одну четырнадцатую пѣхоты.

Въ 1859 году, въ Италіи, французы имѣли 1 : 13, австрійцы 1 : 12.

На эти цифры обыкновенно и ссылаются сторонники уменьшенія численности кавалеріи, упуская изъ вида, что не штуцера, не нарѣзная артиллерія вліяли на относительную численность кавалеріи, а чисто-мѣстныя, географическія условія: въ Крымъ кавалерію надо было перевозить моремъ, что было и дорого и затруднительно. Въ Италіи мѣстность до того пересѣчена, что во многихъ случаяхъ представляла неподдающіяся препятствія даже для пѣхоты: люди безпрестанно тонули въ канавахъ. И все-таки, несмотря на неудобства мѣстности, почти не позволявшей употребить кавалерію въ дѣло, обѣ стороны чувствовали недостатокъ ея и распорядились о присылкѣ подкрѣпленій.

При открытіи кампаніи, т. е. къ 29-му апрѣля, отношеніе между пѣхотой и кавалеріей было такое:

У французовъ:

Пѣхоты 186 баталіоновъ, всего 132,000	штыговъ	} 1 : 15
Кавалеріи 18 полковъ — 9,000	коней	

(*) Свидѣнія эти заимствованы изъ записокъ высшей тактики по лекціямъ профессора Леера.

У сардинцевъ:

Пѣхоты 90 баталіоновъ, всего	64,000	штыковъ	} 1 : 12
Кавалеріи 9 полковъ	—	5,400 коней	

У австрійцевъ:

Пѣхоты 106 баталіоновъ, всего	98,933	штыковъ	} 1 : 9
Кавалеріи 41 ¹ / ₂ эскадр.	—	11,308 коней	

Бъ 24-му іюня, т. е. черезъ два мѣсяца, это отношеніе уже значительно измѣнилось:

У французовъ было пѣхоты	101,000	} 1 : 17
— — кавалеріи	6,000	

У австрійцевъ было пѣхоты	159,828	} 1 : 8
— — кавалеріи	18,901	

У французовъ кавалерія сильно уменьшилась вслѣдствіе дурнаго ухода за лошадьми и затруднительности подкрѣпленій; австрійцы же, имѣвшіе возможность подводить подкрѣпленія, усилили кавалерію до такой числительности, что, несмотря на значительное увеличеніе числа пѣхоты, кавалерія оказалась даже въ выгоднѣйшей пропорціи.

Приведенныя здѣсь цифры заимствованы нами изъ русскаго перевода сочиненія прусскаго генеральнаго штаба „Итальянская война 1859 года“.

Надобно замѣтить, что всѣ свѣдѣнія касательно состава и перемѣнъ въ австрійской арміи довольно подробны, тогда какъ у союзниковъ они ограничиваются общими цифрами, часто только приближительными. Составъ сардинской арміи къ 18-му іюня вовсе не показанъ, и потому нельзя судить о томъ, на сколько уменьшилось у сардинцевъ число кавалеріи сравнительно съ пѣхотой.

Кромѣ того встрѣчаются нѣкоторыя неточности: такъ, на стр. 11, сказано, что каждый изъ девяти полковъ сардинской кавалеріи имѣлъ по военному времени до 600 коней, слѣдовательно всего на все могло быть только 5,400; между тѣмъ, черезъ шесть строкъ показано уже 9,400. Такая разниа покажется еще страннѣе, когда обратимъ вниманіе на предшествовавшія строки, въ которыхъ сказано:

„Эта армія также далеко не достигла полнаго комплекта; сами сардинцы принимаютъ, что числительность войскъ, выступившихъ въ поле, вѣроятно, за исключеніемъ частей откомандированныхъ, не превышала 64,000 человекъ, 9,400 лошадей и 120 орудій.“

Пѣхота, вслѣдствіе *некомплектности*, была менѣе противъ штатнаго числа (въ 76,000) на 12,000, а кавалерія, напротивъ, увеличилась почти вдвое.

Мы однако остаемся при убѣжденіи, что на численность кавалеріи можетъ имѣть вліяніе только мѣстность театра дѣйствій, а потому каждое государство по соображенію со своими политическими цѣлями должно рассчитать: на какой изъ ея границъ возможность войны вѣроятнѣе, какія мѣстности могутъ быть театрами дѣйствій, и, взявъ во вниманіе географическія свойства этихъ театровъ, опредѣлить, въ какой соразмѣрности должны находиться другъ къ другу два рода войскъ.

Если завоевательная политика уже невозможна на материкѣ Европы, то естественно прежде всего подумать объ оборонѣ. Въ этомъ случаѣ Россія находится далеко не въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится остальная Европа: обширныя равнины южныхъ губерній представляютъ отличное поле для дѣйствій цѣлыми массами кавалеріи. Слѣдуя правилу Наполеона, мы должны бы желать по крайней мѣрѣ 100,000 кавалеріи по мирному времени, такъ какъ пѣхоты имѣемъ до 500,000. На самомъ же дѣлѣ до сихъ поръ у насъ было только 33,704 коней, а по военному положенію 67,386 коней. Теперь же, по штатамъ 24-го декабря 1863 г., у насъ будетъ: въ мирное время 33,443, а въ военное 36,131 конь.

Съ перваго взгляда кажется, что норма совершенно нарушена и что Россія въ первой же войнѣ жестоко поплатится за свою экономію; но, вникая глубже въ этотъ важный вопросъ, мы придемъ къ нѣскольکو инымъ результатамъ.

Начать съ того, что мѣстность, прилегающая къ нашимъ границамъ, далеко не вся въ одинаковой степени нуждается въ кавалеріи: сравните, напримѣръ, побережья Ледовитаго океана, которыя никогда не будутъ театромъ войны, и побережья Чернаго моря.

Финляндія, изрѣзанная озерами, покрытая лѣсами и скалами, почти невозможна для дѣйствія кавалеріи. Эстляндія и Ливляндія, по развитію культуры, подходятъ нѣсколько къ мѣстностямъ сѣверной Италіи: поля огорожены, встрѣчаются заборы изъ плитняка, котораго тамъ вдоволь; но междамъ слѣжены собранные съ полей камни. Все это позволяетъ сдѣлать нѣкоторую экономію въ кавалеріи. И дѣйствительно: во время восточной войны у насъ оставлены были только два полка гвардейской кир-

сирской дивизіи, но и съ ними не знали что дѣлать, и потому генераль Бергъ, а потомъ генераль Граббе соглашались промѣнять ихъ на башкировъ и казаковъ (*), которые во всякомъ случаѣ были бы полезнѣе кирасировъ.

Западная наша граница находится въ другихъ условіяхъ: во-первыхъ, мѣстность гораздо открытѣе; во-вторыхъ, самая вѣроятность военныхъ дѣйствій больше для западной границы, чѣмъ, на примѣръ, для южной.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ Россіи кавалерія нужна преимущественно по западной и южной границамъ. О восточной мы не упоминаемъ потому, что она совершенно удовлетворяется кордонной системой, лежащей на плечахъ нашихъ пограничныхъ казаковъ.

На какомъ бы театрѣ войны мы ни дѣйствовали, намъ едва ли будетъ возможно выставить на одинъ театръ болѣе 300,000 пѣхоты, имѣя въ виду значительное протяженіе границъ и необходимость быть готовыми на всякомъ пунктѣ. Къ этимъ силамъ мы можемъ присоединить до 25,000 *дѣйствующей* кавалеріи, что уже довольно сносная пропорція, да прибавьте еще нашу прекрасную ирегулярную кавалерію. Въ крымскую кампанію казаки дали, нисколько не обнажая линій, 128,000 кавалеріи.

На одинъ театръ мы возьмемъ, положимъ, 75,000: тогда у насъ составитя 100,000 кавалеріи при 300,000 пѣхоты — отношеніе будетъ 1 : 3, а это болѣе чѣмъ сколько нужно и чѣмъ сколько могутъ намъ противопоставить каждый изъ нашихъ сосѣдей.

Многіе считаютъ казаковъ ни во что, говорятъ, что это только конная милиція, и приписываютъ имъ массу различныхъ недостатковъ.

По нашему мнѣнію, ни въ одномъ изъ своихъ недостатковъ казакъ не виноватъ: есть тысячи такихъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ его тѣмъ, что онъ есть.

Возьмите любаго русскаго, француза, итальянца и поставьте ихъ въ тѣ условія, въ какія ставите на войнѣ казака, и всякій русскій, французъ и итальянецъ благопріобрѣтетъ тѣ же недостатки, какими упрекаютъ нашихъ казаковъ.

Въ другой разъ мы постараемся серьезно изслѣдовать всѣ эти обвиненія, а здѣсь опять укажемъ обвинителей въ глаза ста-

(*) Наъ запискѣхъ высшей тактики до лежцямъ профессора Дезра.

тысячью пѣхннхъ и тремястами орудій, тросеями нашихъ славныхъ товарищей-казаковъ въ кампаніи 1812, 1813, 1814 годовъ!

Вотъ отношеніе между кавалеріей и пѣхотой въ арміяхъ континентальныхъ государствъ (*):

Въ Австріи какъ 1:5, а по военному положенію какъ 1:10, въ Пруссіи 1:7,²⁰, а съ ландверомъ какъ 1:8, во Франціи какъ 1:4,²⁵, а по военному положенію какъ 1:4,⁷⁷, въ Сардиніи 1:13,⁴, а по военному положенію какъ 1:14, въ Россіи какъ 1:13,⁶, а по военному положенію какъ 1:14,⁴.

Изъ сравненія этихъ данныхъ видно, что Россія значительно уступаетъ въ относительной числительности кавалеріи всѣмъ остальнымъ государствамъ, даже Сардиніи. Въ дѣйствительности же Россія находится въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ, и вотъ почему:

До реорганизациіи 1863 года, въ нашей арміи считалось всего: по мирному положенію 765,532, а по военному 1,377,365, въ томъ числѣ кавалеріи было 33,704, а по военному 67,386. Слѣдовательно, остается 1,309,977, а по мирному положенію 731,828.

Но изъ этого числа слѣдуетъ, по настоящему, вычесть все то, что не составляетъ *дѣйствительной* боевой силы, напримѣръ гарнизонные баталіоны, силою до 162,000, подвижной инвалидъ и мѣстные войска инженернаго вѣдомства силою до 15,000. Нельзя, напримѣръ, считать разные заводы и лабораторіи за войско: мы считаемъ ихъ только фабриками; точно также нельзя считать военно-рабочія и арестантскія роты за войско; нельзя этапныя команды причислить къ кавалеріи потому только, что онѣ сидятъ на лошадяхъ; нельзя къ кавалеріи причислять и корпусъ жандармовъ, имѣющій до 5,000 человекъ; нельзя считать за силу нашихъ деньщиковъ, которыхъ считается до 20,000. Гарнизонные баталіоны дѣйствуютъ только въ своихъ губерніяхъ, и то въ смыслѣ военной полиціи, что очень удобно можно было бы возложить на народную стражу. Последнее польское возстаніе дало намъ нѣсколько тому примѣровъ.

Итакъ, изъ общей числительности нашей арміи надобно вы-

(*) Мы брали отношеніе числа цыгковъ къ числу копей: это дастъ болѣе ясное понятіе о соразмѣрности, нежели отношеніе между тактическими единицами, т. е. эскадронамъ къ баталіонамъ.

честь по меньшей мѣрѣ 202,000 человекъ: тогда въ итогѣ получится: по мирному положенію 529,828 человекъ, по военному 1,107,977; но и въ этихъ цифрахъ есть еще что выкинуть: въ нихъ показана и артиллерія, а намъ надобно знать только число пѣхоты. По свѣдѣніямъ за 1863 годъ, у насъ полагалось имѣть: въ мирное время 185 батарей въ 1,422 орудія, а людей 49,877; въ военное же время — батарей 289 съ 2,036 орудій и 97,712 людей; кромѣ того въ крѣпостной артиллеріи считается по мирному положенію 20,000, а по военному 35,000. (*)

Откинувъ эти цифры, мы получимъ пѣхоты 459,951 человекъ по мирному положенію, а по военному 975,265, такъ что и отношеніе получится значительно выгоднѣйшее, а именно: по мирному 1 : 13,₆, а по военному положенію 1 : 14,₄.

Принимая же въ расчетъ возможные театры дѣйствій и то, что кавалерія и въ мирное время расположена вблизи этихъ театровъ, такъ что сосредоточеніе ея незатруднительно, мы придемъ къ убѣжденію, что поставить отношеніе родовъ войскъ въ болѣе выгодныя условія совершенно зависитъ отъ насъ и можетъ быть сдѣлано во всякое время. Пѣхота должна быть раздѣлена на нѣсколько театровъ; кавалерію же можно держать по близости къ наиболѣе вѣроятному, откуда ее всегда можно двинуть на угрожаемый пунктъ въ такомъ числѣ, какое будетъ необходимо по мѣстнымъ условіямъ.

Ни на одинъ изъ нашихъ театровъ не потребуется болѣе сорока тысячъ линейной кавалеріи: такихъ нашествій, каково нашествіе 1812 года, вѣроятно, уже не повторится, а если бы и повторилось когда-нибудь, то можно разсчитывать на тотъ же результатъ. Наполеонъ вступилъ въ Россію съ 350,000 пѣхоты и 73,000 кавалеріи. „Вся французская кавалерія погибла въ эту кампанію; уцѣлѣли только австрійская и прусская.“ (**) Многие французскіе писатели приписываютъ это постояннымъ тревогамъ и нападеніямъ, которыя безпрестанно производили казаки.

Всѣ казаки могутъ дать до 425,000 войска; обыкновенный нарядъ равняется 146 коннымъ полкамъ, силою въ 128,000 коней.

(*) Цифры выведены на основаніи свѣдѣній изъ справочной книжки для артиллерійскихъ офицеровъ и изъ записокъ академіи по лекціямъ администраціи профессора Максимовскаго.

(**) Григгеймъ, стр. 146.

По новому положенію, мы будемъ имѣть въ военное время 47,326 линейной кавалеріи. Прибавивъ къ этому числу нашу легкую, такъ называемую иррегулярную кавалерію, мы получимъ весьма почтенную цифру въ 175,326. Эта цифра даже и для полуторамилліонной арміи даетъ отношеніе 1:8,5, а за исключеніями разныхъ не дѣйствующихъ силъ отношеніе получается еще болѣе выгодное, именно 1:5,7.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Россія очень удобно можетъ обойтись и меньшимъ, сравнительно съ другими государствами, числомъ линейной кавалеріи; мы же, несмотря на сокращенія, держимъ кавалеріи все-таки не менѣе другихъ государствъ:

	По мирному положенію.		По военному положенію.	
	Число эскадроновъ.	Общая численность.	Число эскадроновъ.	Общая численность.
Такъ Австрія		39,188		41,862
Пруссія	215	28,780	215	32,357 (*)
Франція.	385	62,978	385	79,321
Англія	248	19,820	"	"
У насъ же.	313	38,815	425	43,829

Такимъ образомъ, мы уступаемъ только Франціи, которая и не можетъ воспользоваться своимъ преимуществомъ мимо Пруссіи и Австріи, а съ Пруссіею и Австріею, хотя бы имѣла и вътрое меньше кавалеріи, была бы опаснымъ соперникомъ. Мы должны имѣть въ виду только ближайшихъ сосѣдей.

Спора нѣтъ, каждое сокращеніе арміи болѣзненно отзывается въ сердцахъ патріотовъ, наводитъ на сомнѣніе и самую армію; но въ виду громадныхъ издержекъ, требуемыхъ содержаніемъ военной силы, патріотическій страхъ долженъ уступить мѣсто благоразумной бережливости.

При Екатеринѣ II у насъ считалось отъ 80 до 100,000 кавалеріи; но это только было на бумагѣ, въ отчетахъ, на самомъ же дѣлѣ не доходило иногда и до половины.

Надобно еще принять въ соображеніе, что въ то время казакъ у насъ было меньше, слѣдовательно тѣ обязанности, которыя теперь возложены на нихъ, въ то время надобно было исполнять регулярнымъ. Кромѣ того при Екатеринѣ Россія

(*) Кромѣ того, по военному времени 48 эскадроновъ (10,750) въ депо и 48 же эскадроновъ (7,200) въ ландверъ. Въ Англіи кромѣ регулярной есть еще йомери (милиція) 14,000 и ирландская конная стража 12,000. А у насъ еще въ депо 3,497.

еще не добилась своихъ естественныхъ границъ на югѣ; ей приходилось тянуться въ море черезъ погайцевъ и крымцевъ, а сухопутная и совершенно открытая граница какъ нельзя болѣе способствовала набѣгамъ этихъ сосѣдей. Удерживать ихъ можно было только массами кавалеріи. Эту роль отиѣнно выполняли запорожскіе, донскіе и слободскіе казачьи полки, занимавшіе нынѣшнюю Харьковскую губернію (въ число этихъ полковъ одинъ Чугуевъ выставлялъ *четыре*).

Наконецъ все царствованіе Екатерины прошло въ войнахъ: то съ тѣмъ, то съ другимъ сосѣдомъ, а война, какъ явленіе исключительное, не можетъ подчиняться тѣмъ же законамъ, какіе пригодны для мира. Чѣмъ чаще мы встрѣчаемъ необходимость въ какихъ-нибудь предметахъ, тѣмъ они для насъ дороже; чѣмъ больше отъ нихъ получаемъ пользы, тѣмъ естественнѣе желаніе имѣть ихъ въ большемъ количествѣ.

Наступаетъ продолжительный миръ, и тотчасъ является естественное и справедливое желаніе сократить издержки на то, что уже менѣе нужно, и употребить ихъ на болѣе полезное дѣло. Одинъ изъ наиболѣе дорогихъ родовъ войскъ — кавалерія, и потому справедливо желать соответствующаго сокращенія этого оружія. Когда-то еще кавалерія понадобится, да еще окупить ли она все потраченное на нее государствомъ, будетъ ли польза ея отвѣчать ея стоимости—все это еще вопросъ, а между тѣмъ, содержать такую массу кавалеріи, какая нужна въ военное время, и дорого и тяжело. Такъ разсуждаетъ общество, руководствуясь одними экономическими соображеніями. Тактика же и администрація должны указать тѣ предѣлы, ниже которыхъ никогда не должна спускаться численность войскъ по мирному положенію, и въ особенности спеціальныхъ родовъ оружія.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.